

Игорь БАХЛОВ, Ирина НАПАЛКОВА

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ*

В статье анализируются основные подходы к изучению проблемы формирования Российской империи как сложной политико-территориальной системы: византийский, евразийский, модернизационный, колониизационный, ориенталистский и др. Формулируются основы эволюционного подхода к анализу динамики Российской империи.

Ключевые слова: империя, концептуализация, междисциплинарный анализ, модернизация, подход, трансформация, эволюция

Возникновение и эволюция российской имперской системы — это комплексная проблема, являющаяся объектом междисциплинарного исследования. Сегодня ее анализ осуществляется политологами, культурологами, этнологами, представителями других наук, что, в свою очередь, позволяет более широко подойти к исследованию основных аспектов формирования Российской империи как сложной системы. Этот широкий подход реализуется в нескольких подходах к анализу ее происхождения.

Византийский подход

Представленные в рамках византийского подхода концепции исходят из понимания России как *духовной преемницы Византийской империи*.

Центральной идеей для его представителей является перенос в Россию византийской имперской идеи, базовым компонентом которой выступает православная религия. Исторические истоки подобной трактовки большинство исследователей усматривает в теории «Москва — третий Рим», сформулированной еще псковским монахом Филофеем¹. Ее важнейшими положениями являются:

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Проект 14.740.11.0239 «Динамика центрально-периферийной конфигурации современной России и политические механизмы оптимизации территориального управления»

¹ См.: *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998; *Лурье С.В.* От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // *Общественные науки и современность*. 1997. № 4. С. 123–133; *Марцинян В.* Приватизация, модернизация и регионализация Российской империи // *Полития*. 2001. № 3. С. 143–166 и др.

- преемственность римской имперской традиции, основанной на православии; неразрывность государства и церкви;
- концентрация имперской власти в руках монарха, являющегося главой и государства, и церкви;
- персональная ответственность монарха за полученную универсальную власть;
- вековечность полученного наследия, его неизменность и окончательность².

Эти идеи различным образом преломлялись в ходе эволюции российской общественной мысли. Так, в написанной во второй половине XIX в. «Философии общего дела» известный религиозный философ Н.Ф.Федоров отмечал, что Москва — «...дочь Византии, но рожденная в старости...». Он также определял ту важную особенность складывания имперской системы в России, что «...Москва, находившаяся под опекою Византии до самого почти падения ее, не могла усвоить иного взгляда на соби́рание, кроме того, какой был у ее воспитательницы; поэтому-то Московское соби́рание и отличалось такою суровостью; она, как говорили, «вынимала души из областей»³.

К.Н. Леонтьев в серии статей «Записки отшельника» (1887–1891) отмечал преемственность России не только с Византией, но и с Римской империей⁴, подчеркивая главную особенность Российской империи, отличающую ее от Византийской. Если последняя была ориентирована на сохранение и консервацию, то Россия, по аналогии с Римом, — на территориальное расширение.

Интересна концепция В.Л. Цымбурского, оригинально интерпретирующего теорию «Москва — третий Рим». Он полагал, что Филофеем начисто чужд мотив переноса «ромейской» имперской резиденции из Средиземноморья на север, т.к. для его теории характерна не идея «кочевания Рима», а «образ грозного сжатия православной ойкумены в ограниченный локус Московского царства»⁵. Для Филофея Москва — третий Рим лишь потому, что «Рим — это мир», а православный мир резко сузился с закатом Византии и примыкавших к ней балканских государств.

В. Марцинян считает, что эсхатологическое учение Филофея о «Третьем Риме» было превращено Иосифом Волоцким в политическую идеологию в духе византийского имперо-папизма. Церковно-государственная «симфония», заимствованная из Византии, когда сильная и централизованная Церковь и самодержавная власть поддерживали друг друга весь период превращения московского княжества в великое государство, трансформировалась под воздействием напряжения между народным и официальным этатизмом⁶.

² Филофей. Послание великому князю Василию об исправлении Крестного знамения и о содомском блуде // Империя пространства: хрестоматия по геополитике и геокультуре России / сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М.: РОССПЭН, 2003. С. 31.

³ Федоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. С. 325–326.

⁴ Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992. С. 56.

⁵ Цымбурский В.Л. «От великого острова России...» К прасимволу российской цивилизации // Империя пространства: хрестоматия... С. 674–675.

⁶ Марцинян В. Указ. соч. С. 154–156.

Но наиболее полное выражение анализируемый подход нашел в концепции, разработанной С.В. Лурье. В ее основе лежит понятие центрального принципа империи — комплекса религиозно-государственных идей, являющегося базой всех внутренних и внешних проявлений имперской практики и, как правило, сочетающего в себе культурный универсализм и политический изоляционизм. Преемственность центрального принципа империи прослеживается в процессе сравнения Первого, Второго и Третьего Рима (Римской, Византийской и Российской империй), что позволяет лучше понять идеальные (и идеологические) основания строительства Российской империи. По мнению автора, имперские доминанты характеризовались преемственностью — от Рима через Византию к России, тогда как другие составляющие имперского комплекса — модели колонизации, освоения пространства, восприятия иноэтнического населения — весьма различались, т.к. империи существовали в различные эпохи, в различном политическом и культурном окружении⁷.

Таким образом, концепциям, развивающимся в рамках византийского подхода, свойственно *признание приоритета духовно-идеологической составляющей имперской системы* — в данном случае религиозной в форме православия — как основного фактора формирования Российской империи на пути ее правопреемства к византийской имперской традиции.

Золотоордынский подход

К условно называемому золотоордынским подходу можно отнести концепции, выделяющие в качестве основного фактора становления имперской системы в России *влияние Золотой Орды и, более широко, Монгольской империи Чингисхана*.

Исходной установкой всех концепций в рамках данного подхода можно считать мысль представителя евразийского направления в отечественной мысли П.Н. Савицкого о том, что «...без «татарщины» не было бы России»⁸. С ним перекликается высказывание Н.С. Трубецкого: «Московское государство возникло благодаря татарскому игу. Московские цари, далеко не закончив еще «собирания русской земли», стали собирать земли западного улуса великой монгольской монархии: Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири. Русский царь явился наследником монгольского хана»⁹. Автор особо подчеркивает то, что Россия как империя сформировалась лишь после расширения в пределах территории Золотой Орды, после завоевания государств, сформировавшихся после ее распада.

Тем самым выделяется идея России как единственной правопреемницы Золотой Орды и ее места и роли в обширном евроазиатском

⁷ Лурье С.В. Указ. соч. С. 123, 132.

⁸ Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Мир России — Евразия: антология / сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высшая школа, 1995. С. 59.

⁹ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Империя пространства: хрестоматия... С. 312.

пространстве. Разделяют эту позицию и некоторые современные исследователи, о чем свидетельствуют материалы организованного в 2002 г. на страницах журнала *Ab Imperio* круглого стола на тему «От Орды к России»¹⁰.

Так, по мнению А. Филюшкина, если первоначально татарское нашествие определяли как катастрофу, ниспосланную русскому народу за его прегрешения, то после установления системы ордынского владычества над русскими княжествами оно считалось законным, «заведенным Богом» порядком. Оценки начинают резко меняться в начале XV–XVI вв., когда создание единого Русского государства вступило в решающую фазу. Московскими летописцами был создан идеологизированный миф о вековой ожесточенной борьбе русских против ига, в ходе которой решалась судьба человечества и христианской веры. Его элементом стала идея о том, что победа над татарами была непременным условием появления московской государственности¹¹.

М. Усманов полагает, что Российской империи передан дух центрально-азиатской империи: беспрекословная покорность подданных при безграничной власти правителей. Следствием монголо-татарского влияния стало отсутствие у русской аристократии собственности и правовых гарантий своего положения¹².

С. Скобелев подчеркивает, что уже при присоединении Сибири применялся имперский опыт управления коренными народами, базировавшийся на практике управления подвластными народами, которая использовалась здесь ранее монголо-татарами¹³.

Итак, концепции сторонников золотоордынского подхода в большинстве своем сходятся в признании существенного воздействия монгольского имперского опыта преимущественно в сфере организации государственного управления, в т.ч. присоединенными или завоеванными территориями.

Евразийский подход

Евразийский подход сформулирован как *в работах евразийцев*, так и концепциями, прямо с евразийством не связанными, но учитывающими воздействие на природу Российской империи комплекса двух факторов: *европейского (византийского) и азиатского (золотоордынского)*.

Суть евразийской позиции выражена в работе П.Н. Савицкого «Географический обзор России-Евразии», где автор отмечает, что, говоря о византийском наследстве как идейных истоках русской государственности, можно считать такое утверждение обоснованным лишь применительно к духовно-культурной области. «В геополитическом отношении дело обстоит иначе... Для геополитического бытия России-Евразии географическая сфера Византии есть сторонняя сфера.

¹⁰ От Орды к России: круглый стол // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 205–238.

¹¹ Там же. С. 220–222.

¹² Там же. С. 231, 233.

¹³ *Скобелев С.* Демография как политика. Коренное население Сибири в составе Российской империи и СССР: динамика численности как отражение политики центра // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 181–182.

Наоборот, в геополитическую сферу монгольской державы Россия-Евразия погружена в исключительной степени; геополитическая плоть России-Евразии в значительной мере есть географическая плоть монгольской державы. В геополитической отрасли уместно говорить о монгольском наследстве...»¹⁴.

С. Глебов считает, что в российской традиции евразийцы были первыми, кто однозначно считал азиатскую составляющую российской культуры и государственности неотъемлемым элементом истории России. Идеи евразийства полностью перечеркивали возможность выделения «этнографической России» из Российской империи и стремились утвердить неделимость культурного, политического и экономического пространства империи¹⁵. Евразийство можно признать специфической формой «защиты Российской империи путем ее отрицания»¹⁶.

Двойственный характер истоков Российской империи подчеркивается А.Ш. Кадырбаевым. Автор полагает, что российская имперская идея во многом представляет собой синтез византийских и золотоордынских имперских традиций, хотя и не исчерпывается ими. В формировании российской имперской идеи византийское наследие прослеживается больше в духовной и идеологической сферах. Наследие Золотой Орды выразилось преимущественно в области государственной организации, оказав влияние на такие стороны российской государственности, как военная организация, фискальная система, посольские обычаи, протокольная традиция государственных канцелярий¹⁷.

Естественноисторический подход

В ходе дискуссии об основах формирования Российской империи, видимо, можно выделить еще один, естественноисторический компонент — *традиции древнерусской государственности и собственный опыт развития*.

Одним из первых концепцию самобытного происхождения Российской империи пытался создать Ф.И. Тютчев, начав в 1848–1849 гг. работу над книгой «Россия и Запад». Давая общую характеристику России, он выделил две главные ее составляющие — «Славянское племя» и «православную Империю». Если славянское племя представляет собой тело империи, то православная церковь — ее душу, лишь в их взаимодействии проявляется единство империи¹⁸. Признавая значение унаследованных православных традиций как необходимого духовного элемента имперской системы (ее идеологии), он в то же время указывает на историческую самобытность ее «тела» в лице славянства.

¹⁴ Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии // Мир России — Евразия: антология. С. 221–222.

¹⁵ Глебов С. Границы империи и границы Модерна. Антиколониальная риторика и теория культурных типов в евразийстве // Ab imperio. 2003. № 2. С. 270–281.

¹⁶ Глебов С. Между империями: из переписки участников евразийского движения // Ab imperio. 2003. № 2. С. 294–295.

¹⁷ Кадырбаев А.Ш. Османская и Российская империи: общее византийское и золотоордынское наследие // Восток. 2003. № 2. С. 148, 152.

¹⁸ Тютчев Ф.И. Россия и Запад // Империя пространства: хрестоматия... С. 109–111.

М.Т. По, отмечая факторы особого пути России: неподвластность европейской колониальной экспансии и сильную авторитарную власть, направленную на защиту страны от внешней угрозы, выделяет главную особенность России. Он видит ее в том, что Россия не впитала в себя ни основ государственности Европы, ни ценностей и культуры Востока, в связи с чем называет монголо-татарское иго мифом российской истории. Россию можно именовать империей уже с воцарения Ивана III, при этом сутью имперской политики стала централизация, осуществлявшаяся активно и не самыми либеральными методами, а затем — экспансия за Урал¹⁹.

Д. Володихин, анализируя проблемы становления и развития Московского централизованного государства, оценивает военизированное самодержавное устройство России XV—XVI вв. как инструмент, предотвращающий давление извне. Определяющую роль в формировании основ российской великодержавной государственности он отводит Ивану III, который создал мощное оружие — поместную систему, дававшую огромное, недорогое и свирепое войнство, подчиненное одной лишь воле государя. На взгляд исследователя, «...не будь поместной системы, Москва, быть может, так и осталась бы деревянной столицей северной конфедерации карликовых государств, стиснутой войнственными соседями...»²⁰.

А.Ш. Кадырбаев же полагает: несмотря на то что имперская традиция России формировалась под воздействием Золотой Орды и Византии, исходным моментом для нее была все же древнерусская государственность как первый опыт государственного строительства в многоплеменной среде²¹.

Колонизационный подход

Специфику колонизационного подхода составляет понимание процесса формирования имперской системы в России как *естественного расширения государства путем колонизации*, осуществляемой преимущественно мирным (невооруженным) путем в восточном направлении.

Истоки этой концепции обычно связывают с именем знаменитого российского историка С.М. Соловьева, который относил начало процесса расширения Русского государства ко времени правления Ивана IV, присоединившего или начавшего присоединение Казанского, Астраханского и Сибирского ханств²². Русское государство, образовавшееся посредством колонизации населения, было вынуждено бороться и с «азиатскими кочевыми ордами», и с «полуварварским» элементом — «одичалыми передовыми отрядами» населения, «вдавшегося все глубже и глубже в пустыню»²³.

¹⁹ Пое М.Т. The Russian Moment in World History. Princeton-Oxford: Princeton University Press, 2003. P. 116.

²⁰ Володихин Д. Ты не прав, XVI век? // Родина. 1996. № 12. С. 44.

²¹ Кадырбаев А.Ш. Указ. соч. С. 154

²² Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // Сочинения. В 18 кн. Кн. XVIII. М.: Мысль, 1995. С. 78–79.

²³ Соловьев С.М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого // Сочинения. В 18 кн. Кн. XVI. М.: Мысль, 1995. С. 35.

Н.Я. Данилевский в своей работе «Россия и Европа» высказывает похожие взгляды, подчеркивая: «Русское государство от самых времен первых московских князей есть сама Россия, постепенно, неудержимо расширяющаяся во все стороны, заселяя граничащие с нею незаселенные пространства и уподобляя себе включенные в ее государственные границы инородческие поселения». Такому характеру расселения русского народа, в высшей степени благоприятному, по мнению автора, единству и цельности Русского государства, соответствует и «уподобительная сила русского народа, претворяющая в свою плоть и кровь инородцев»²⁴.

Американский историк М. Ходарковски интерпретирует территориальный рост России в XVI–XVIII вв. как колониальную экспансию, тем самым характеризуя Россию как колониальную империю. Сравнивая российскую колонизацию с западной, он видит существенное отличие русского опыта в доминирующей роли государства при осуществлении экспансии и доминировании геополитических интересов над экономическими. Кроме того, колонии России находились не за морями, а у ее границ, что придавало им специфический статус. В качестве компонентов колонизационного процесса автор выделяет:

- возведение оборонительных линий с крепостями, гарнизонами и артиллерией и их постепенное продвижение на юг и юго-восток от Оки — традиционного естественного рубежа средневековой Руси;
- бюрократию — писцов, чиновников, переводчиков и т.п.;
- насаждаемых правительством колонистов, соперничавших из-за земли;
- Православную церковь;
- привлекательность в глазах переселенцев из степи проживания в пределах богатой и могучей державы²⁵.

Таким образом, Россия являлась колониальной империей по форме отношений с подвластными народами, политическим целям и стратегии в приграничье.

Концепция естественноисторических границ

Тесно связана с двумя предшествующими концепция естественно-исторических границ, в рамках которой формирование Российской империи трактуется как *процесс постепенного расширения Российского государства в его естественноисторических, естественногеографических границах*.

В определенной степени сюда можно отнести известного российского историка В.О. Ключевского. Он полагает, что в продолжение XVIII в. Россия почти завершает давнее свое стремление стать в естественные этнографические и географические границы. Оно было завершено в начале XIX в. приобретением всего восточного бере-

²⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 485–486.

²⁵ Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington-Indianapolis: Indiana University Press, 2002. P. 223, 226–228.

га Балтийского моря, по присоединении Финляндии с Аландскими островами по договору со Швецией 1809 г., продвижением западной границы, по присоединении Царства Польского, по присоединении Бессарабии по Бухарестскому договору 1812 г. Тем самым государство «стало в свои естественные границы»²⁶.

Однако естественные границы России характеризуются неодинаковостью географических условий и исторической среды на востоке, юго-востоке и на юго-западе. Если на юго-востоке продвижение России за естественные границы вызвано «неизбежным сцеплением отношений и интересов», то в юго-западном направлении, по мнению Ключевского, произошло изменение внешнеполитических задач. «Кончив политическое объединение русского народа, территориальное собирание русской равнины, здесь Россия предпринимает политическое освобождение других национальностей, связанных с русским народом родством, либо племенным, либо религиозным, либо религиозно-племенным»²⁷.

Еще одну концепцию естественных границ Российской империи разработал в 1907 г. в своей работе «Европейская Россия. Антропогеографический этюд» А. Геттнер. Он пишет: «Россия по своей природе является внутренней страной, которая граничит только с окраинными и внутренними морями...», поэтому логика ее политико-территориального развития определялась «достижением моря и завоеванием его берегов». Важнейшими этапами этого развития были, во-первых, занятие берегов Белого моря и получившаяся благодаря этому впоследствии возможность торговых сношений с Англией. Во-вторых, утверждение на Балтийском море, расширившее и облегчившее торговые сношения со странами, прилегающими к Балтийскому и Немецкому морям, и более дальними. В-третьих, распространение до Черного моря, давшее и для южной России возможность морских сообщений, с доступом к Средиземному морю²⁸.

К концу XVIII в. русское государство было введено в свои естественные границы, а на западе даже несколько вышло за них. При этом только владение морскими берегами обеспечило России прямые сношения с западно- и южноевропейскими и трансатлантическими странами. Автор подчеркивает следующую мысль: «Несмотря на существование сухопутных сношений со всеми частями государства, морские имеют значение даже для поддержания связи с восточной частью империи. Россия никогда не сможет отказаться от морских побережий, если не захочет нанести самого чувствительного вреда своим жизненным интересам». Если стремление к морским берегам определялось в первую очередь достижением естественных границ, то для завоеваний России в Азии ведущим было «стремление к экономическому пополнению» (путем политического объединения различных климатических поясов, то есть «экономическое пополнение» связывалось с природными условиями)²⁹.

²⁶ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 3-х кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 3. С. 368.

²⁷ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 370.

²⁸ Геттнер А. Европейская Россия. Антропогеографический этюд // Империя пространства: хрестоматия... С. 175.

²⁹ Геттнер А. Указ. соч. С. 167–169.

В качестве обобщающего можно привести мнение известного российского ученого К.И. Арсеньева, высказанное им в «Статистических очерках России»: «...самое естественное положение Российской Империи дает ей такую значительность между державами, которую она сохранять будет, пока останется в настоящих своих пределах»³⁰.

Полиэтнический подход

Полиэтнический (этнологический) подход представлен концепцией А. Каппелера. Его суть заключается в анализе Российской империи как попытки *организации и управления полиэтническим пространством*.

А. Каппелер подчеркивает, что синтез истории России как многонациональной державы в методологическом плане предполагает две крайности — «русоцентристскую оптику» и «полиэтническую оптику», каждая из которых имеет свои недостатки. Однако при рассмотрении имперской проблемы, на взгляд автора, «никак нельзя вырваться из плена «русоцентристского» видения и мышления»³¹. Поэтому важнейшей методологической установкой является противопоставление русоцентристской оптике, направленной на рассмотрение истории Российской империи как «национального государства», и узким проекциям национальной историографии нерусских народов, подхода, позволяющего выявить супернациональный, полиэтнический характер Российской империи.

В центре внимания исследователя следующие важнейшие аспекты проблемы России как многонациональной империи:

- методы и средства имперской экспансии и включения в состав империи территорий с чужеродным (в этническом, конфессио-нальном, социально-экономическом и культурном планах) населением;
- воздействие империи на подчиненные территории, включая изменение или сохранение существовавших до этого отношений и институтов, а также реакция местного населения (преимущественно в лице элиты) на это воздействие;
- характер полиэтнической империи, включая ее социально-этническую, административную и экономическую структуру, степень развития межэтнических отношений;
- трансформация имперских структур под влиянием различных факторов, прежде всего модернизации, взаимосвязь между национальной эмансипацией и социальной революцией.

В истории формирования Российской империи А. Каппелер выделяет несколько этапов, связанных с изменением сущностного содержания указанных выше аспектов:

- первый этап связан с наличием средневековых предпосылок будущей империи, т.к. многие ее черты зародились еще в условиях внутри- и внешнеполитического развития Русского государства;

³⁰ Арсеньев К.И. Статистические очерки России // Империя пространства: хрестоматия... С. 595–596.

³¹ Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 10–11.

- второй этап — с XVII в. до середины XIX в. — «дореформенная многонациональная империя», когда Россия представляла собой такой вариант дореформенного полиэтнического европейского государства, который характеризовался сильно выраженной структурной гетерогенностью и амбивалентностью между старыми, возникшими в евразийском контексте традициями, и новыми, перенятыми на Западе образцами;
- третий этап — вторая половина XIX — начало XX в. — «поздняя многонациональная империя», когда политическому и военному усилению российского центра противостояли резкие перепады экономического и социально-культурного развития на всем протяжении империи, а политика экспансии и постоянная необходимость обеспечения безопасности, поддержания власти и имперского господства истощала людские и материальные ресурсы страны, ограничивала возможности социально-экономического и политического развития внутри России, обеспечивала экстенсивный рост державы ценой задержанной интенсивности, что вызвало вначале кризис, а затем и крушение Российской империи³².

Сходные взгляды высказывает И. Торбаков. Он полагает, что по крайней мере с середины XVI в. и вплоть до 1917 г. история России представляла собой процесс складывания и развития многонациональной (полиэтнической) империи. Главная же проблема в концептуализации империи в том, что в юридическом и административном аспектах имперская элита управляла страной (за некоторыми исключениями), воспринимая ее как этнически однородное образование — «географический колосс и этнический «Вавилон» на официальном и бытовом уровне описывался в категориях «нации-государства» — матушки Руси»³³.

И. Торбаков характеризует причины сохранения многонационального характера Российской империи и неудачи политики русификации. Их три.

Во-первых, «строительство» Российской империи явилось не результатом какой-то иррациональной патологии и безудержной страсти к захвату чужих земель, а следствием сложного геополитического взаимодействия мировых центров силы.

Во-вторых, даже когда власти прибегали к политике русификации, последняя практически всегда оказывалась скверно организованной, плохо подкрепленной материально и поэтому малоэффективной.

В-третьих, став слишком поздно на путь модернизации, Россия упустила время и для реализации успешной политики русификации³⁴.

Модернизационный подход

Модернизационный подход развивается в рамках западнического восприятия истории формирования и сущности Российской империи как *необходимости неизбежного реформирования традиционных институтов*.

³² Каппелер А. Указ. соч. С. 119–123, 236–240.

³³ Торбаков И. «Осколки разбитого вдребезги»: историческое поражение имперского проекта // *Ab Imperio*. 2001. № 4. С. 396–397.

³⁴ Торбаков И. Указ. соч. С. 398–399.

Достаточно негативное (что в целом характерно для российского западничества) отношение к империи было выражено в середине XIX в. в творчестве А.И. Герцена и Н.П. Огарева³⁵, прежде всего из-за ее органической неспособности предоставить возможности для свободного развития народа (причем не отдельных народов, входящих в состав империи, а именно всего народа государства). Такое отношение предполагало стремление к трансформации империи.

Интересную концепцию модернизации Российской империи предлагают В.В. Алексеев и Е.В. Алексеева.

Представляя имперскую и модернизационную эволюцию России во взаимной динамике, они выделяют, во-первых, стадию доиндустриальной модернизации (XVIII – середина XIX в.), соотносящуюся с этапами:

- появления предпосылок зарождения империи (середина XVI – первая четверть XVIII в.);
- официального провозглашения империи (22 октября 1721 г.);
- укрепления и восходящего развития империи (1720–1760-е гг.);
- расцвета империи (1770–1840-е гг.).

Во-вторых, стадию, связанную с кризисом протоиндустриализации и развертыванием раннеиндустриальной модернизации (вторая половина XIX – начало XX в.), которой соответствуют этапы:

- кризиса империи;
- клинической смерти империи.

Таким образом, доиндустриальная модернизация, связанная с переходом от традиционности к современности, коррелирует с восходящим периодом имперской эволюции. В то же время имперская Россия в течение двух столетий переживала фундаментальный кризис традиционализма. Исчерпанность традиционной империи как исторического явления была обусловлена введением в действие новых, неимперских механизмов мондиализации³⁶.

Но наиболее целостную концепцию Российской империи в рамках модернизационного подхода формулирует С.И. Каспэ.

Каспэ исходит из общетеоретических построений о соотношении имперской системы и модернизации, замечая, что этнополитический аспект модернизации вступает в серьезное противоречие с фундаментальными особенностями имперской государственности, поскольку вовлеченность в модернизационные процессы лишает империю способности эффективно блокировать действие основной эволюционной тенденции имперских систем – выравнивание центра и периферии, приводящее в конечном счете к разрушению смыслового горизонта несимметричных социальных интеракций и распаду империи. Модернизация размывает глубинные основания социального порядка

³⁵ См.: *Герцен А.И.* Россия и Польша. Ответы статьям, напечатанным в «Przeglądzie Rzeczy Polskich». Письмо четвертое // *Империя пространства: хрестоматия...* С. 111; *Огарев Н.П.* Избранные социально-политические и философские произведения / под общ. ред. М.Т. Иовчука и Н.Г. Тараканова. В 2-х т. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952–1956. Т. 2. С. 238–240.

³⁶ *Алексеев В.В., Алексеева Е.В.* Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // *Отечественная история.* 2003. № 5. С. 7–9.

традиционной империи и порождает новый вид имперской организации — колониальную империю, для которой характерно соединение автономистски изолирующей национальной политики с экспансионистской имперской политикой. Системная модернизация, модифицирующая все стороны социальной действительности, влечет за собой крах империй (в т.ч. колониальных) и появление национальных государств³⁷.

Специфику имперской модернизации России, по мнению Каспэ, составляют следующие черты:

- запуск модернизационных процессов в связи с невозможностью обеспечить достаточный уровень военно-политической конкурентоспособности по отношению к Западу и их первоначальное восприятие как средства достижения этой конкурентоспособности;
- наличие ментальных предпосылок системной модернизации в виде в значительной степени вестернизированной интеллектуальной, а отчасти — и политической элиты;
- стремительный переход от социально-экономических преобразований к модификации социально-политических структур;
- быстро обозначившаяся неспособность власти, инициировавшей реформы, удержать под контролем их последствия;
- вхождение реформаторской власти в острый конфликт со стремительно радикализирующимся общественным мнением;
- возникновение новых напряжений в этнополитической структуре, порожденных политикой центра, переменами в позиции локальных элит и формированием оппозиционных массовых движений³⁸.

В. Страда, используя термин М.М. Бахтина «Хронотоп России», разработал концепцию культурно-исторической геополитики, положениями которой можно завершить характеристику модернизационного подхода. По его мнению, Пространство (географическое) и Время (историческое), сливаясь, образуют Хронотоп России — объяснимый российской историей пространственно-временной континуум государства, динамически и разносторонне развивающийся. Отношение Пространства и Времени в России разбалансировано. Если на начальной стадии русской истории доминирующую роль играет Пространство, когда происходит объединение русских земель вокруг Москвы и расширение их на Восток, то на втором этапе, начиная с Петра Великого, на первое место выступает Время, но при этом территориальная экспансия отнюдь не прекращается. В Петровский период для России главным становится преодоление отсталости (исторически-временной) по сравнению с Западной Европой, то есть «модернизация». Беда российской истории, как считает исследователь, состоит в том, что модернизация будет осуществлена лишь частично (в производительной и культурной сфере) и чрезвычайно

³⁷ Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. С. 78–79, 80–83.

³⁸ Каспэ С.И. Указ. соч. С. 134.

запоздало (в сфере политико-институциональной), при дефиците Времени, в то время как Пространство сверхвсякой меры расширяется во всех направлениях (Восток, Запад, Юг, благо северная граница является единственной от природы неприкосновенной), неимоверно отягощая свой имперский организм. Хронотоп Российской империи не выдержал дисбаланса Пространства и Времени³⁹.

Ориенталистский подход

В основе ориенталистского подхода лежит *«восточничество»* как комплекс представлений об особой миссии России на Востоке, сводящихся к пропаганде цивилизаторской миссии России, к своеобразному культуртрегерству.

Так, И. Герасимов считает, что российскому сознанию свойственен комплекс российского ориентализма — противопоставление себя некоему обобщенному, но наделенному негативными характеристиками образу «Востока». Петровские преобразования придали имплицитному и непоследовательному ориентализму Московии статус приоритетной государственной идеологии: принятие курса на остаточную вестернизацию сделало актуальным вопрос об отношении России к Востоку. При этом вектор ориенталистской проекции был направлен как вовне (на Кавказ и в Причерноморье), так и внутрь страны, на «азиатских» подданных империи⁴⁰.

Российский ориентализм является одним из основных элементов, обеспечивающих преемственность на всех этапах преобразования России в Новое время, т.к. он играет очень важную роль в воспроизводстве имперской модели после очередного системного кризиса. Несмотря на то что ориентализм является модернизаторской перспективой, а модернизация предполагает унификацию социально-культурного пространства и нивелирование традиционных различий, результат ориенталистского дискурса как раз обратный: последовательное расслоение социально-политического и культурного пространства на передовые и отсталые группы, «восточные» и «западные». Отождествляясь с «современными» силами, ориентализм превращает провинции в колонии, «другого» в «отсталого», консолидируя одни группы, усиленно работает над дифференциацией других, не предлагая никаких механизмов нивелирования различий. А это есть важная предпосылка возникновения имперской структуры интеграции гетерогенных частей через имперский центр, почти исключая прямые горизонтальные связи между отдельными частями. Являясь в определенном смысле замкнутой системой, Российская империя не могла радикально покончить с собственным же ориенталистским компонентом. Деколонизация в империи, не имевшей заморских колоний (лишь внутренние «недоколонизованные» территории и сообщества), означала буквальную дезинтеграцию России как единого целого⁴¹.

³⁹ Страда В. Хронотоп России // Империя пространства: хрестоматия... С. 5–8.

⁴⁰ Герасимов И. Обновление Российской империи и парадоксы ориентализма // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 241–242.

⁴¹ Герасимов И. Указ. соч. С. 247.

Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе отмечает, что ориентализм является важным оружием в арсенале западного империализма, как интеллектуальное средство для обеспечения господства Запада над Востоком. В отличие от западных морских колониальных держав, завоеванная Россией имперская периферия примыкала к ее границам. Поэтому для русских граница между «Своим» и «Чужим» не была столь четкой, что значительно смягчало ориенталистский комплекс. Кроме того, в России не существовало единого отношения ко всем имперским субъектам, определенным в терминах культурной инаковости⁴².

Формирование колониальной империи в России приводит фактически к смене имперской идеологии. К началу XX в. колониальные устремления Российской империи были подкреплены сильными славянофильствующими настроениями, отрицающими все западное. На рубеже веков, в эпоху расцвета классического европейского империализма, русская мысль и практика продемонстрировали два разных имперских подхода в восточной политике. Олицетворением первого стал географ-«конкистадор» Н.М. Пржевальский (в 1873 г. он написал: «...с тысячей наших солдат можно покорить всю Азию от Байкала до Гималаев. Здесь мы можем повторить подвиги Кортеса»). Второго — панмонголист-востокофил князь Э.Э. Ухтомский, считавший, что русский народ — это народ восточный, ведь «мы до сих пор не имеем найти за Каспием, Алтаем и Байкалом ясно очерченного рубежа, за которым бы кончалось собственно «наше»⁴³.

Идеология восточничества стала новой имперской идеей. Однако она была опасна для политического здоровья Российской империи, что показала русско-японская война, означавшая конец российского колониализма.

Эволюционный подход

Представленные выше подходы к анализу динамики территориальной системы Российской империи характеризуются признанием приоритета, как правило, одного, реже двух, факторов. Еще один момент — признавая значение какого-либо одного фактора, представители различных подходов давали ему разные интерпретации (например, подчеркивание роли восточного влияния представителями золотоордынского, евразийского и ориенталистского подходов позволяло им приходить в то же время к весьма различающимся выводам).

Полагаем, что преодолеть эти недостатки способен синтетический подход, который условно можно назвать *эволюционным*. Схематично суть данного подхода представлена на *рисунке 1*.

Анализ представленных выше позиций показывает, что в развитии Российской империи достаточно четко прослеживаются два этапа.

Первый этап. Традиционная империя.

⁴² Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Ориентализм — дело тонкое // *Ab imperio*. 2002. № 1. С. 253–255.

⁴³ Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Свет с Востока // *Родина*. 1995. № 11. С. 30–33.

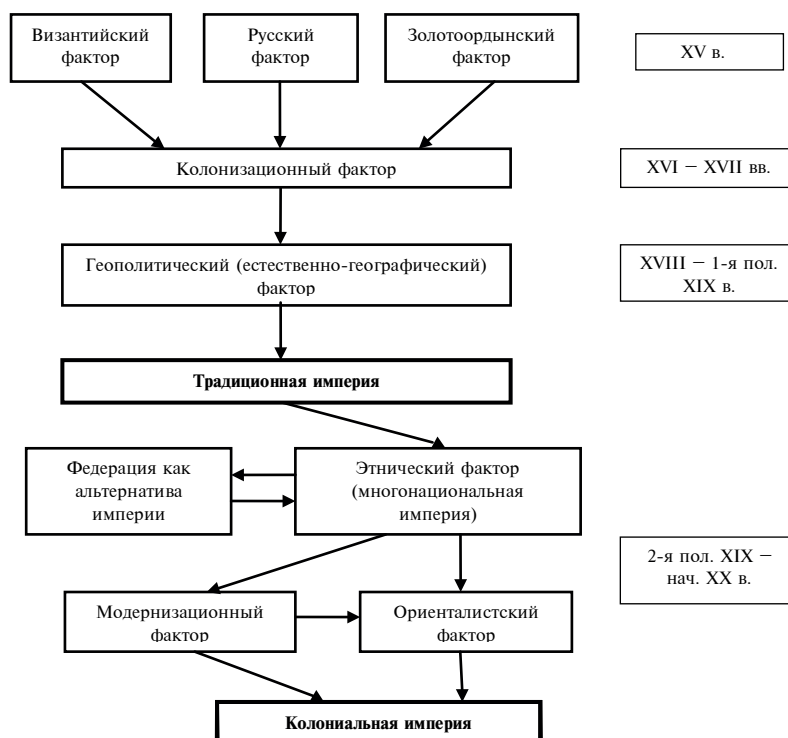

Рис. 1. Эволюционный подход к формированию Российской империи

Основу имперской конструкции (включая имперскую организацию и имперскую идею) в этот период составляют византийское, золотоордынское и русское (московское) наследие, а важнейшими факторами ее формирования выступают колонизационный (преимущественно в восточном направлении) и геополитический (в западном и южном направлениях) факторы, причем колонизация во временном отношении предшествовала геополитической экспансии.

Второй этап. Колониальная империя.

Данная империя — результат модернизационной трансформации традиционной империи, которая вследствие геополитического расширения приобрела характер многонациональной империи. В этой связи уже в первой половине XIX в. появляются первые теории ее преобразования в федеративное государство. Ориентализм становится модернизационной трактовкой имперской идеи (традиционное восточничество как противопоставление западничеству трансформируется в западническом ключе в своеобразное культуртрегерство).

Если традиционная империя развивалась в русле линии священного империализма и ее структуры были характерны для доиндустриального общества, то формирование колониальной империи в России стало следствием реформирования традиционных структур в духе линии экономического империализма. Переход к империи Модерна

(так можно было бы определить тип имперской системы, свойственный западной цивилизации в новое и новейшее время вплоть до середины — второй половины XX в.) в нашей стране занял длительное время и во многом Россия эту стадию перехода в имперский период своей истории не пережила. На наш взгляд, имперские структуры модернистского типа продолжили формирование уже в XX в., хотя в совершенно иных исторических условиях.

Модернизация империи не смогла ликвидировать традиционные институты. Сохранение традиционных отношений и институтов во многих сферах государственной и общественной жизни вместе с противоречивой модернизационной стратегией правящей элиты привели имперскую систему к кризису. Национализация имперской идеологии при полиэтническом характере территориального комплекса породила тенденцию к колониализму в западном его понимании (в отличие от колонизации предполагает не прагматично-патерналистскую политику по отношению к местной элите, а жесткую унификацию, прежде всего в сфере языка и религии).

Таким образом, динамика эволюции Российской империи закономерно отразилась в ряде последовательно сменявших друг друга этапов — зарождения и развития имперских структур с параллельным оформлением имперского ядра и его расширением; расцвета имперской системы, когда она достигает максимальных пределов территориального роста, причем этот рост соотносится с обеспечением внутренней и внешней безопасности государства. Упадок империи отмечается кризисом существующих структур, а также попытками их реформирования, далеко не всегда продляющими историческое существование имперской системы.